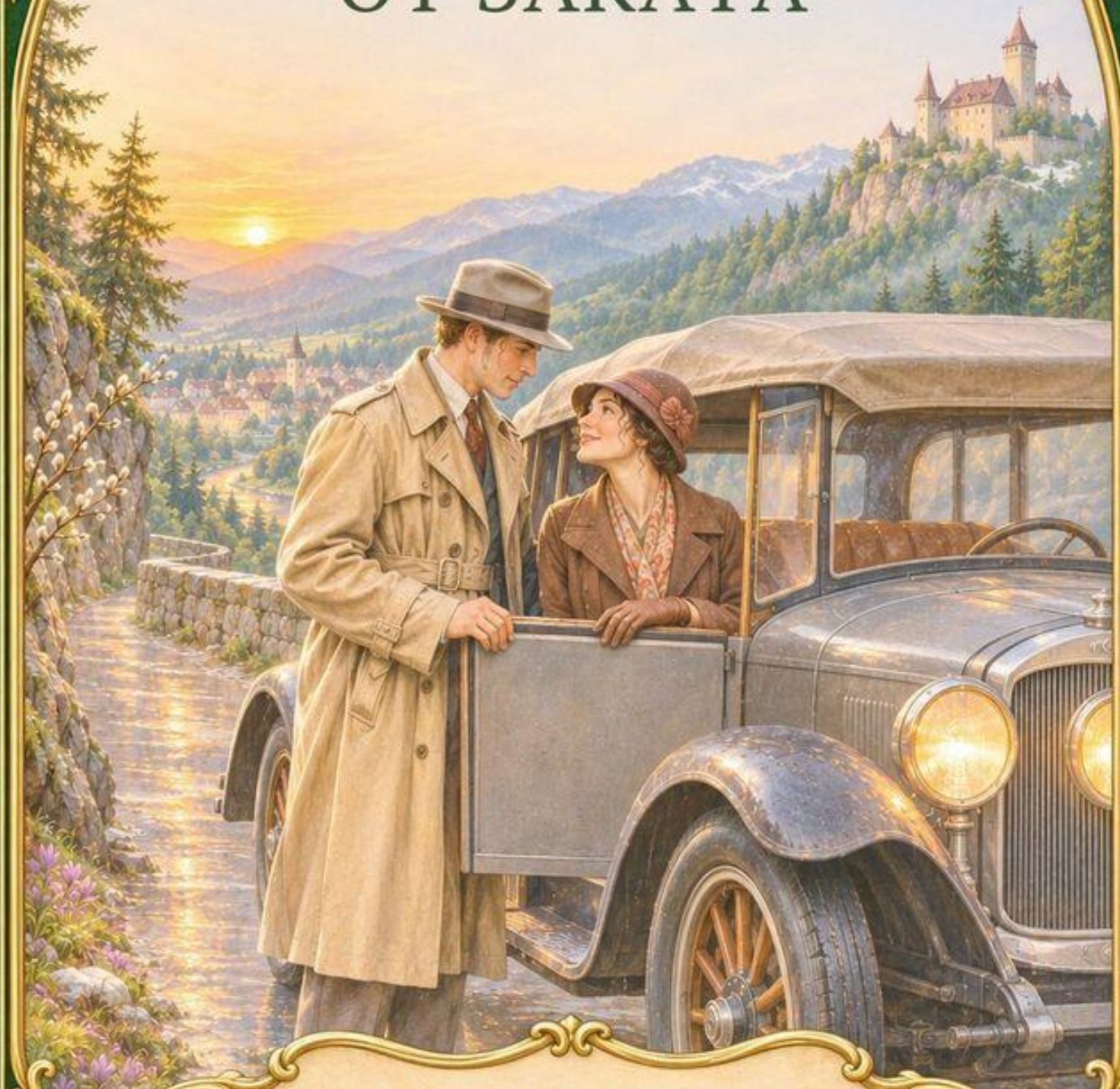
18+

ДЖОРДЖ БАРР МАККАТЧЕН

К ВОСТОКУ ОТ ЗАКАТА

РАЗВОД ОТМЕНЯЕТСЯ

адаптация и перевод

НАТАЛЬИ МЕЙТИН

Джордж Барр Маккатчен

К востоку от заката. Развод отменяется

«Издательские решения»

Маккатчен Д.

К востоку от заката. Развод отменяется / Д. Маккатчен — «Издательские решения»,

Пять лет назад в голодном Будапеште американец Пенденнис Йорк женился на незнакомке, чтобы вывезти её из страны, — и в тот же день развёлся с ней на вокзальном перроне. Теперь газета посылает его в забытый Граустарк. В княжеском номере его ждёт дамский саквояж с надписью «Mrs. Pendennis Yorke, U.S.A.», а лучшие юристы княжества разводят руками: развода не было. Его жена — княжна Вирджиния, и оба изо всех сил делают вид, что им всё равно. Комедия о фальшивом браке, который оказался настоящим.

© Маккатчен Д.
© Издательские решения

Содержание

Глава I 6
Глава II 12
Глава III 20
Глава IV 26
Конец ознакомительного фрагмента. 31

К востоку от заката
Развод отменяется

Джордж Барр Маккатчен

Переводчик Наталья Мейтин
Редактор Зинаида Граутбер
Художник, Лаборатория книжного дизайна Ingenium. Иллюстрация создана с помощью нейросети Наталья Мейтин

© Джордж Барр Маккатчен, 2026

ISBN 978-5-0071-6180-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I

В которой чужаки захватывают каминный уголок, Судья забывает название княжества, а европейский вопрос откладывается из-за Граустарка

В тот вечер в клубе сидели чужие. Не посторонние, а такие же члены клуба, только не из компании стариков, что приходили сюда каждый вечер. У стариков были свои места — диваны и кресла, расставленные квадратом перед большим камином в гостиной. В клубе это называли каминным уголком, и чужие туда не садились. В тот вечер место у огня стоило дороже обычного: холодно было и на улице, и в доме. Весь клуб выстыл, как ледник, и тёплым оставался только каминный уголок.

Камины, конечно, были и в других комнатах, но ни один не грел так и не был так по-клубному уютен. Сидеть перед любым другим, заметил в тот вечер бывший член Верховного суда, всё равно что сидеть дома. После этих слов кружок сплотился и разом придвинул кресла к розовой груде поленьев.

Что до так называемых чужаков, то это были превосходные джентльмены, люди с весом и именем. Вина их состояла лишь в том, что они пообедали чуть раньше хозяев каминного уголка и дерзко заняли лучшие углы двух больших диванов по бокам от решётки. А может, это был бунт против деспотии обычая — восстание случайного против заведённого. Так или иначе, когда первый из полудюжины завсегдатаев торопливо прошаркал из холодной столовой в свой привычный угол, трое смельчаков уже удобно расположились перед камином.

Первым был Генерал. В его углу сидел издатель большой нью-йоркской газеты — ноги на решётке, чашка прямо на широком мягком подлокотнике. На другом диване пили кофе редактор известного журнала и весьма уважаемый доктор.

Генерал был ошеломлён, но не сломлен. Он подошёл твёрдой поступью, как требовал чин, лихо повернулся кругом и встал спиной к огню: каблуки врозь, ладони к теплу. Раза три качнувшись на начищенных носках, он объявил в пространство:

— Прескверный вечер.

— Не клуб, а сарай, — согласился Издатель и стряхнул добрый дюйм сигарного пепла на каменную плиту за спиной доблестного генерала.

— Самые холода за всю зиму, — сказал Редактор. — Господи, вы только послушайте этот ветер!

Ветер выл в каньоне поперечной улицы громче треска огня, в высокие окна стучала ледяная крупа.

— Прескверный, — повторил Генерал, не сводя глаз с официанта, который нёс ему кофейник. — Сюда. — Он указал на место у левого колена Издателя.

Он сурово молчал, пока официант придвигал столик и снимал поднос с шипящей батареи. Четыре пары глаз внимательно следили, как кофе льётся в чашку, как в него опускается сахар и как слуга в полном порядке удаляется в холодные края, откуда явился.

— Это безобразие, — сказал наконец Генерал.

— Что поделаешь, февраль, — начал Доктор.

— Я о том, как хозяйственная комиссия умудряется напутать решительно во всём! — перебил Генерал. — Почему, чёрт побери, они не починили котлы летом?

— Пейте-ка лучше кофе, генерал, — посоветовал Издатель. — А то, чего доброго, замёрзнет.

— Чёрт побери, вы правы. Кофе со льдом в такой вечер! Меня дрожь пробирает от одной мысли. А ещё больше — от мысли, что он может замёрзнуть уже внутри.

Он угрюмо сел рядом с Издателем и принялся процеживать горячий кофе сквозь щетину белых усов.

— Кофе в этом клубе отвратительный, — проворчал он, по очереди оглядывая чужаков. — Тут всё пора вычистить сверху донизу.

— Не угодно ли, генерал? — Доктор протянул ему портсигар.

Генерал заколебался, но ненадолго. Сигары Доктора славились. Он был очень модный доктор, и сигары у него были очень модные, почти что для избранных. Генерал не доверил бы ему лечение и больной уличной собаки в Нью-Йорке, но в качестве его сигар не сомневался ни минуты — и говорил об этом при всяком удобном случае. Сейчас как раз выпал такой редкий случай. Сигары были толстые и роскошные на вид. Он взял одну.

— Таких сигар в этом клубе не достать, — объявил он.

Тут в гостиную вошли ещё двое хозяев каминного уголка: Адмирал и Судья, бывший член Верховного суда. Генерал заметил, что они встали как вкопанные у самой двери, и замер со спичкой в руке.

— Придвигайте кресла, — крикнул он. — Будьте как дома.

— Удивительно, что этот клуб не могут прогреть, — сказал Адмирал, не трогаясь с места. — Чтобы члены могли пользоваться всеми комнатами.

Несмотря на этот сугубо пассивный натиск, чужаки удержали позиции. Завсегдатаям оставалось отступить или сдаться. Они сдались.

Вскоре служители приволокли несколько огромных неповоротливых кресел, и все устроились у камина. Подошли Банкир, Библиофил и Архитектор. Их тоже втайне угнетала мысль, что дело зашло слишком далеко, но и они не стали спорить с судьбой. В конце концов, Издатель и Редактор — люди порядочные и, вероятно, имели право на место у камина, обычай там или не обычай. Жар от огромных поленьев, задорный треск пламени, дым хорошего табака и добродушная жалость ко всем смертным, кто сейчас бредёт сквозь ледяную бурю, смягчили временно рассердившееся общество.

Около восьми Доктор откланялся, и это вызвало всеобщее волнение. Четыре джентльмена вскочили и принялись учтиво уступать друг другу освободившееся место. Ближе всех оказался Адмирал — он его и занял.

Затем на обсуждение был вынесен европейский вопрос — правда, позже обычного. Как правило, его поднимали около семи сорока и к девяти в целом решали. В девять же, по обычаю, все соглашались, что решить его невозможно. На этот раз прения начались с опозданием на целых восемнадцать минут: Доктор, снабдивший всех сигарами, имел право на учтивость и предпочёл говорить о гольфе. (Завтра он уезжал в Южную Калифорнию.) Поэтому к девяти часам Генерал был лишь на середине своей неизменной и многократно повторённой речи против Лиги Наций.

На заведённый порядок это, впрочем, не повлияло. В этот час все зевали и начинали собираться домой. Большие часы в холле как раз начали бить девять. Это стало сигналом к дружному потягиванию рук и челюстей и к шумным, от всего сердца вздохам, большинство которых сильно смахивало на вой. Генерал говорить не перестал, но целую фразу прозевал, превратив свои слова в протяжную вереницу «ох» и «ах». Эпидемия настигла его как раз на слове «Чехословакия».

Судья уже минут десять задумчиво смотрел в огонь.

— Дочь меня об этом спрашивала день или два назад, — сказал он невпопад.

— О чём об этом? — спросил Генерал. Он вдруг понял, что публику держал не лучше обычного.

— О, простите, генерал, я задумался. — Судья заморгал. — По правде сказать, и жена спрашивала. Будто совсем исчезла с лица земли. Лет двенадцать-пятнадцать назад мы о ней много слышали, а после войны — ни слова.

Казалось, он вот-вот снова погрузится в задумчивость, из которой его вывел зевок Генерала. Но тут Адмирал взглянул на часы:

— Эти проклятые часы отстают на пять минут! Вчера спешили на шесть. Вот как нынче ведутся дела в этом клубе. Если бы… Ох, простите, судья. Вы говорили?

— А теперь, — нахмурился Судья, — убей меня Бог, не вспомню названия. Глупо. Я его знаю, как своё собственное имя.

— Опишите её, — сухо предложил Архитектор.

Судья мучительно задумался и вдруг устремил на Издателя обвиняющий, почти угрожающий взгляд.

— Вам следовало бы знать. Ваше дело — знать про такие вещи всё.

— Вы мне льстите, судья, но я не умею читать мысли.

— Поторопитесь, — невежливо сказал Генерал. — Я заказал такси на девять пятнадцать.

— Да вы же понимаете, о чём я! — раздражённо сказал Судья. — Как называется это чёртово маленькое княжество на Балканах? С таким чудным названием.

— Помилуйте, — воскликнул Редактор, — Балканы набиты маленькими княжествами с чудными названиями!

— Ну так назовите хоть какие-нибудь, чёрт возьми! — рявкнул Судья.

— Дорогой судья, старые буйные Балканы так растерзаны псами войны, что от них мало что осталось, — сказал Издатель. — Югославия проглотила кучу этих государств, Чехословакия — ещё больше. Постойте-ка! — В глазах его мелькнул огонёк газетчика, почуявшего «материал». — Уж не Граустарк ли вы имеете в виду?

— Он самый! — вскричал Судья. — Граустарк! Что с ним стало? Что он делал в Великую войну и что с ним случилось потом? Дочь меня спрашивала…

— Граустарк был слишком мал, чтобы сыграть в войне заметную роль, — заметил Генерал. — Армия у них отличная, но маленькая: на любом фронте её не хватило бы и на десять минут. Я встречал их главнокомандующего несколько лет назад — граф с усами, имени не припомню, приезжал сюда с князем. Славный малый этот князь. Отчасти американец, знаете ли.

— Флота у них нет вовсе, — объявил Адмирал, откидываясь в кресле.

— Чёрт побери, не помню, чтобы Граустарк вообще упоминался в связи с войной, — сказал Издатель. — Наверное, воевал — воевали все, — но с союзниками на Восточном фронте или с Австрией и болгарами, понятия не имею.

— Не пора ли это выяснить? — многозначительно спросил Судья. — Будь у меня такая большая газета, как ваша, я бы… Впрочем, каждому своё ремесло. Вам, надо полагать, виднее, чего хочет публика.

Издатель выпрямился.

— Дорогой судья, не судите о газете по явной некомпетентности её издателя. Поднимем подшивки — найдём о Граустарке всё. После войны он, вероятно, затерялся в сумятице, но в войне-то участвовал — как же он мог не попасть в печать?

Говорил он снисходительно, как с ребёнком, которого надо подбодрить. Судья хмыкнул, давая понять, что он не ребёнок.

— Скорее всего, его прибрали к рукам большевики, — сказал Банкир. — Процветающая счастливая страна — такие они и глотают за один присест. Наверняка разорили, перебили князей и знать, пустили по миру.

— Сказано как истинный капиталист, — заметил Библиофил.

— Кстати о капитале, — сказал Редактор журнала. — Не пытался ли старик Блитерс купить граустаркского принца для дочки? Сколько было разговоров, что миллионы Блитерса спасут Граустарк от банкротства! А потом девица Блитерс взяла да и вышла за американского парня без гроша за душой. Так, во всяком случае, писали газеты.

— Век не забуду, — простонал Издатель. — Мы послали человека через всю Европу, он месяц-другой ходил в Граустарке за стариком Блитерсом по пятам. Кстати, я давно не видел Блитерса в клубе. Он что, больше не заходит?

— Он не мог оправиться от удара, пока не стал дедом, — сказал Банкир. — Теперь, говорят, нянчит дома четверых внуков и…

Судья перебил:

— Удивляюсь, что вы, редакторы, не понимаете цены такого материала. Господи, сколько народу хотело бы знать, что стало с этим весёлым молодым князем, его княгиней и всей княжеской семьёй! Перебили их большевики? Сгинули в войну? Изгнаны? Или просят хлеба на тех самых улицах, по которым когда-то проезжали во всём блеске? Чёрт возьми, я и сам мог бы сделать из этого неплохой рассказ.

Издатель встал и направился к двери.

— Я позвоню в редакцию, — отрывисто сказал он. — Вы кое-что затеяли, судья. Это хороший материал. — Он остановился в дверях. — Если пресса и писала о Граустарке во время войны, мы все это забыли. Позвоню Рэтчетту. Он изъездил Европу из конца в конец, и карту нынешней Европы, голову даю на отсечение, знает лучше самих европейцев. Вы же знаете, Джим, какая он акула в международных…

— Не стойте в дверях! — прогремел Генерал. — Вы замёрзнете насмерть, и тогда новость задержится в пути, как говорите вы, газетчики.

Вернувшись через десять минут, Издатель застал приятелей в сонном раздумье. Они смотрели в огонь широко открытыми глазами и, нетрудно догадаться, грезили о далёкой опрятной стране на беспокойном Востоке, о добрых старых временах, когда одно имя Граустарка будило воображение у старых и молодых. Граустарк — серый, крепкий и безмятежный среди вечных гор, что и означает его имя.

— Ну? — спросил Судья. — Её что, совсем сдуло с карты?

— Сначала я не поверил своим ушам, — сказал великий Издатель. Он встал перед огнём и обвёл компанию несколько оборонительным взглядом. — Рэтчетт понятия не имеет, что стало с Граустарком. Признался, что начисто забыл о его существовании.

— И вы тут же его уволили, — сказал Судья. Это был не вопрос: сам он поступил бы именно так.

— Разумеется, нет, — улыбнулся Издатель. — Просто велел ему выяснить. Всё, как я и подозревал: Граустарк — пылинка в песчаной буре, в великом потрясении его просто потеряли из виду. Рэтчетт полагает, что его поглотила одна из новых тамошних республик, и сейчас звонит в Вашингтон, в чехословацкое или югославское посольство.

— Нам что, сидеть тут, пока этот ваш Рэтчетт не свяжется с Чехословакией? — проворчал Судья. — Он знает, который час? Он что, думает, у посольских нет присутственных часов? Ему, чего доброго, придётся поднимать их с постели, а мы просидим тут до полуночи.

— Я не просил его перезвонить, судья. Я…

— Не просили? — каменным голосом переспросил Судья.

— Ну, разрази меня гром! — вскричал Генерал. — Зачем же вы ему вообще звонили, если не собирались узнать, что он выяснит? По-моему, вы могли бы…

— Виноват! — поспешно перебил Издатель. — Глупо с моей стороны. Сейчас позвоню и попрошу перезвонить сюда, как только Вашингтон ответит. Но это может занять час-другой, джентльмены. Готовы ли вы ждать в надежде, что…

— Позвоните, пожалуйста, в колокольчик, он рядом с вами, — живо сказал Банкир Библиофилу. — Хочу заказать сигар.

— Отлично! — воскликнул Архитектор. — Я с ужасом думал, что придётся выходить в эту мерзкую бурю.

Адмирал, знаток погоды, подал голос:

— Пошевели огонь, малый, и подбрось пару поленьев. Худшее минует через час. Я за то, чтобы стоять в гавани, пока не стихнет шторм. Звоните своему Рэтчетту, пусть пошевеливается.

— Ему может понадобиться переводчик! — прогремел Генерал вслед Издателю.

— А теперь принеси мне сигар, малый, — распорядился Банкир.

— Длинных, — протянул Архитектор.

Когда Издатель вернулся, все раскуривали длинные чёрные сигары.

— Он заказал разговор с Вашингтоном и сразу сообщит, — сказал Издатель, потирая руки. — А знаете, судья, вы кое-что затеяли, как говорят у нас в городском отделе. Рэтчетт загорелся. Говорит, вся Америка заинтересуется, и, по-моему, он прав. Если история стоящая, я, пожалуй, тут же его туда отправлю.

— Послушайте, — вмешался Редактор журнала, человек опытный и проницательный, — на вашем месте я бы не поручал этого Рэтчетту. Методичный журналист старой школы, точный, но сухой как пыль. Вы получите голые факты, и читатели умрут со скуки. Ни воображения, ни взгляда. Акула в международных делах — признаю, но не для этой работы. С тем же успехом можно послать вашего литературного редактора, который знает, как выглядит книга, но в половине случаев не знает, что у неё внутри. Здесь нужен человек, который заберётся внутрь и уже оттуда посмотрит на весь остальной мир.

— Только не ваших проклятых романистов, — проворчал Издатель. — Я ни одному из них не доверил бы и за угол сходить. Мне нужны факты, а не вымысел.

— Господь с вами, писателя я бы к этому и не подпустил. Тут я с вами согласен, старина: романисты всегда путают, когда их припирают к фактам. Вам нужен бойкий очеркист — живой, острый, наблюдательный молодой человек, который видит без очков. А то и сорвиголова. Рэтчетт будет целыми днями сидеть в министерстве, в военном ведомстве или в естественноисторическом музее и составлять статистику. Романист — благослови их Господь — сочинит бестолковую любовную историю с луной над дворцовым парком. А толковый очеркист пойдёт прямо в суть и напишет то, что будет интереснее вымысла и вдвое достовернее факта. Я знаю как раз такого человека — если только вы его заполучите. Он сделал для меня три или четыре вещи, и все отменные.

— Не Йорка ли вы имеете в виду? — Издатель поджал губы и с сомнением прищурился.

— Его самого, Пенденниса Йорка. Он сунул нос в гробницу Тутанхамона дальше самих раскопщиков и увидел больше. И всё подтвердилось, помните? Год или два назад он писал о русском царе и его семье и добрался до самого дна этой страшной истории. А потом — сведения из первых рук о режиме Белы Куна в Венгрии. Умнейший и обаятельнейший малый. Литератором не назовёшь, но писать умеет. Не посылайте туда старика Рэтчетта, попробуйте заполучить Денни Йорка. Он сейчас в Лондоне. Я просил его съездить в Ирландию и разузнать, что там творится. Он ответил, что наделал в жизни немало глупостей, но совать голову в пасть льву не станет ни за что. Письмо пришло на днях: собирается как следует отдохнуть. Но если предложить стоящие условия, думаю, возьмётся. После всего, что он повидал, это для него, пожалуй, и есть отпуск.

— Где его найти? — отрывисто спросил Издатель.

— Я дам вам адрес. Телеграфируйте в лондонское бюро, пусть немедленно с ним свяжутся. Хотя, по правде сказать, это скорее журнальная история, чем газетная. Мне бы самому за неё взяться.

— Поле свободно, старина, — любезно сказал Издатель. Руки он держал в карманах брюк и — нарочно или по привычке — позвякивал мелочью.

— Против вашего банковского счёта мне не выстоять, — поморщился Редактор. — Валяйте! Я выхожу из игры. Жаль только, что не додумался первым. Да и печатать это в ежемесячном журнале — грех. Судья вот имеет право на уважение: ему подавай всё с пылу с жару, к завтраку каждое утро, а не раз в месяц, запрятанным среди наших объявлений.

Говорил он с чувством. Он был всего лишь редактором журнала, а не начальником его рекламного отдела.

— Сколько этот ваш Рэтчетт будет дозваниваться до Вашингтона? — нетерпеливо перебил Генерал.

— Из-за бури может быть задержка, но, думаю, не больше часа-двух.

— Надеюсь, вы ему сказали, что мы не можем сидеть тут всю ночь.

— Кстати, — сказал Библиофил, — не женился ли один из тамошних князей на американке-южанке? Мисс Кэлхун, если не ошибаюсь.

— Да, мисс Беверли Кэлхун вышла за правителя одного из этих крохотных государств, — ответил Редактор. — Лет тридцать назад, если не больше. Моя жена, кажется, училась с ней в одной школе в Вашингтоне. Постойте, за кого же она вышла?

— За князя Давсбергена, — подсказал Судья. — Слава богу, память оживает. И это проясняет ещё одно. Молодой граустаркский князь, которого Блитерс пытался купить для дочки, женился на наследной княжне Давсбергенской, забыл, как её зовут. На дочери этой самой Кэлхун. Так что раз уж взялись, — заторопился он, повернувшись к Издателю, — сделайте дело чисто. Выясните, что стало с Давсбергеном и его американской княгиней. Уйма людей хотела бы знать, что случилось с Беверли Кэлхун. Она была…

— Вас к телефону, сэр, — почтительно объявил служитель Издателю.

— Это Рэтчетт. Быстро управился, — сказал тот и стал пробираться к выходу сквозь строй вытянутых ног.

Февральский шторм за последние полчаса только рассвирепел. Крупа злыми порывами хлестала в стёкла, рамы дребезжали, ветер выл и визжал в каньоне улицы. Генерал подошёл к окну, выглянул и вернулся, качая головой.

— Будь у этого клуба хоть капля соображения, он плевать хотел бы на сухой закон, — уныло сказал он. — Особенно в такую ночь.

— Если бы не сухой закон, нам не пришлось бы уходить домой в девять, — пробормотал Судья. — Сидели бы тут себе уютно и — кхм! — с пользой до полуночи, а то и дольше.

— Верно, — вздохнул Адмирал. — И жёны не волновались бы, если б мы задерживались после половины десятого. Знали бы, что мы в безопасности. А теперь… клянусь, если я не дома к десяти, моя жена уверена, что меня подстерегли в подворотне и огрели дубинкой. Безобразие — заставлять женщин нашей страны так страдать. Лежат без сна и гадают, почему мужья не идут домой, вместо того чтобы просто гадать, когда они явятся. Боже мой, как всё переменилось! Бывало, я приходил в три-четыре утра, и жена даже не просыпалась. А теперь, если меня нет к десяти, она так нервничает, что после моего прихода, целого и невредимого, засыпает только часа через четыре.

— И трезвого, — протянул Архитектор.

Неизвестно, к чему бы это привело, если бы не вернулся Издатель. Он вошёл бодрым шагом, потирая руки.

— Ну, что он выяснил? — спросило сразу несколько голосов.

Издатель открыл рот — и вдруг передумал. Губы медленно растянулись в дразнящей улыбке, в глазах вспыхнул озорной огонёк, в горле заклокотал смешок. И он спокойно произнёс:

— Будь я проклят, если скажу.

Глава II

В которой дядя Джордж вручает племяннику кубышку, тётя Белл переносит сухой закон прямо в Библию, а Йорк вспоминает свой семичасовой брак с Розой Шмиц

Пенденнис Йорк принимал в Лондоне родственников. Мать, царствие ей небесное, с самого его детства твердила одно: будь мил с дядей Джорджем и тётей Белл. Ещё карапузом в мешковатых штанишках он научился быть с ними вежливым, хотя понятия не имел зачем. А быть милым хотелось далеко не всегда: мальчишеское сердце от рождения не терпело дядюшкиных наставлений.

Дядя Джордж вечно что-нибудь запрещал. Не упади со стула. Слезь с перил веранды. Не подходи к лошади сзади. Не трогай спички. Отойди от камина. Ешь медленно. Положи ножницы. Высморкайся. Брось нож для бумаги, Пенни, глаз выколешь. Казалось, дядя Джордж приезжает к сестре только затем, чтобы предупреждать племянника: ещё шаг — и ты калека на всю жизнь.

Тётя Белл была совсем другой. В отличие от дяди Джорджа, она ничего на свете не боялась. С ней можно было вставать на высоком стульчике, промочить ноги, возиться с Фредом, пятнистым каретным псом, высовываться из окна и съезжать по перилам. Мальчик не раз думал, что дядей из неё вышло бы куда лучше, чем из дяди Джорджа. Правда, два-три раза она тайком его отшлёпала, но любить её он от этого не перестал.

С годами он узнал, почему с ними надо быть милым. Первую причину он знал всегда: маленькие мальчики должны быть вежливы с дядями и тётями, потому что те намного старше и водят дружбу с Санта-Клаусом. Настоящая причина открылась позже: дядя Джордж был очень богат, а детей у него не было.

Дядя Джордж был маминым братом и жил где-то на Западе — там, где золотые прииски, ранчо, горы, медведи и индейцы. Пенденнис не понимал, почему у дяди нет длинных волос и бороды, как у Буффало Билла, и где его револьвер и нож. На деле дядя Джордж был худой лысый человек в очках. Курил сигары, а не трубку, табак не жевал, одевался как мамин адвокат или аптекарь мистер Симмонс и не имел даже перочинного ножа (по крайней мере, так он неизменно отвечал, когда племянник просил одолжить). Словом, сплошное разочарование — особенно когда выяснилось, что индейцы его вовсе не скальпировали. Волосы он потерял иначе.

Мать Денни жила в Вашингтоне. Отца он не знал. Видел, конечно, но мельком — тем высокомерным взглядом, каким младенец нескольких недель от роду смотрит на всё, что движется. Полковник Йорк умер, когда единственному сыну было семь недель. Он оставил очень привлекательную вдову, скромное состояние, неплохую страховку и множество друзей, потрясённых смертью храброго человека и славного товарища. Вдова прожила после него больше двадцати лет и так и не вышла замуж снова. Этим всё сказано.

Она растила сына так, как, по её мнению, растил бы отец. Иные уверяли, что у полковника не вышло бы и вполовину так хорошо.

Она обнимала его, но не кутала. Гладила, но не баловала. Учила идти своей дорогой, а не её. Он понял, что значит быть мужчиной, задолго до того, как вырос из коротких штанишек. Она сочувствовала его мальчишеским бедам, но не нянчилась с ним. И главное — это была мать, которой не приходится лгать, даже натворив что-то постыдное.

Возможно, приучая сына с почти военной строгостью быть милым с дядей и тётей, она думала не об одних родственных чувствах. Но это нас не касается. Молодой человек, бесспорно, обязан быть милым с дядями и тётями, как бы они ему ни надоедали. В конце концов, люди не виноваты, что они дяди и тёти.

Итак, в почтенном возрасте тридцати двух лет мистер Пенденнис Йорк — сирота, холостяк, бродяга-джентльмен и в прошлом мичман-доброволец флота Соединённых Штатов — был очень мил с дядей Джорджем и тётей Белл. Две недели он водил их по Лондону и помогал с толком тратить полновесные американские доллары. Не жалел и своих с трудом заработанных фунтов: для стариков с родины ничего не было слишком хорошо. Обоим было уже за шестьдесят. За границу они выбрались впервые, а Лондон оставили напоследок, чтобы застать племянника.

Что с того, что дядя Джордж лет десять качал головой и твердил, что «катящийся камень мхом не обрастёт»? Он гордился племянником, втайне робел перед ним и не раз признавался тёте Белл, что, похоже, зря пророчил Денни пустую жизнь. Хотя остепениться ему всё-таки следовало бы.

И вот каникулы подошли к концу. Через сутки старики отплывали в Америку, а пока ужинали с племянником в «Савое». Тётя Белл с ужасом думала о плавании: она наслышалась, каким бурным бывает море в феврале.

— Когда мы плыли сюда, меня ужасно укачало, — вздохнула она. — А море было гладкое, как тот самый пруд, про который все говорят. Что же будет теперь, когда волны с гору и корабль весь во льду, как пишут в газетах?

— Всё будет хорошо, тётя Белл. Вы, видите ли, моряк штормовой. Кого укачивает в штиль, того никогда — слышите, никогда! — не укачивает в бурю.

— А меня по дороге сюда не укачало ни минуты, — кисло сказал дядя Джордж. — Значит, на обратном пути я своё получу сполна.

— Вам надо только пить каждый день побольше шампанского, дядя Джордж, — улыбнулся Денни и подтолкнул тётю Белл локтем.

— Уж лучше пусть укачает, — немедленно ответил дядя Джордж.

— Не сбивай дядю с пути, Денни, — сказала тётя Белл, и глаза у неё заблестели. — Как не стыдно подбивать такого молодого и неопытного мальчика, как Джордж, нарушать восемнадцатую заповедь!

— Отлично, тётя Белл! Восемнадцатая заповедь: «Не пей»! — Денни расхохотался. Восемнадцатой поправкой к Конституции в Америке ввели сухой закон, и тётя Белл одним словом перенесла его прямо в Библию.

Дядя Джордж откашлялся.

— Пенни, — начал он торжественно и чуть неуверенно, — я в последнее время много о тебе думал. Не знаю, как у тебя с деньгами, но ты тратишь на нас с тётей куда больше, чем следовало бы.

— Чепуха! Мне это доставило массу удовольствия. Жаль только, что не сумел потратить на вас больше денег и времени. Я ведь так и не расквитался с вами за чудесные дни, которые вы устраивали мне в детстве.

— Ты подарил нам чудесный Лондон, Денни, — вмешалась тётя Белл. — Ты был просто прелесть. Если в Лондоне осталось хоть что-нибудь, чего ты нам не показал, хотела бы я знать, что это. Ты все ноги исходил…

— И, кажется, мы не одну ночь продержали тебя на ногах дольше положенного, Пенни, — сухо вставил дядя Джордж.

(Читатель, вероятно, заметил, что дядя зовёт его Пенни, а тётя — Денни. Опечатки тут нет. Прямодушный дядя Джордж просто откусил от имени первый слог. Тётя Белл, натура тоньше, копнула поглубже. А мать, бывало, звала его и так и так сразу: Пеннидэнни.)

— И ты так упрямо не давал нам платить, а ведь у нас денег куры не клюют, — продолжала старушка. — Совершенно незачем было вечно покупать билеты в театр, нанимать автомобили и платить за обеды в дорогих ресторанах. Мы тебя совсем разорили, Денни.

Он пожал ей руку.

— Вы моя семья, тётя Белл, вы с дядей Джорджем. Племянник из меня неважный: мотаюсь по свету, думаю больше о себе, чем о том, чтобы быть… — он вовремя проглотил слово «милым», — и совсем вас забросил. То есть в смысле…

— Мальчик мой, ты нас не забросил! У тебя своя жизнь, и живи её, как получается. Забросил! А десятки длинных чудесных писем из всяких глухих углов? Из таких мест, о которых твой дядя Джордж слыхом не слыхал, пока ты…

— Позволь! — перебил дядя Джордж.

— Не слыхал, Джордж, не спорь. Ты сам говорил. Слышал ты хоть раз про тот монастырь высоко в Гималаях, куда Денни пустили переночевать, а потом три дня не выпускали из-за снежной бури? Слышал?

— Разумеется, нет. И никто не слышал. Даже сам Пенни, пока туда не попал.

— И подумай только, Денни, — продолжала она, разом оставив этот предмет, — журналы ведь платят тебе за каждое слово. А ты истратил на нас тысяч пять слов, не меньше. По твоим расценкам это порядочная сумма. И всё даром — всё равно что из собственного кармана…

Племянник расхохотался.

— Вы меня уморите, тётя Белл! Вечно придумаете, как выставить меня мотом. Нет, это прелесть: я промотал на вас пять тысяч слов, годных в продажу!

Она снизу вверх улыбнулась его загорелому красивому лицу.

— Для нас они бесценны, Денни.

И, как уже не раз за эти две недели, окинула взглядом его высокую сильную фигуру и вспомнила его отца. Тот тоже был видный мужчина.

Тут дядя Джордж снова решительно откашлялся.

— Так вот, Пенденнис, ты, без сомнения, живёшь — э-э — довольно расточительно. При — э-э — нынешней дороговизне квартир, еды, одежды и прочего это должно — э-э…

— Говори уже, Джордж, — приказала жена, и глаза её заискрились. — Не мямли.

— Так вот что я хотел сказать, — выпалил дядя Джордж и сунул руку во внутренний карман смокинга. На свет появился аккуратно сложенный листок. — Мы с тётей хотим сделать тебе маленький подарок. Это — кхм — это кубышка.

— Кубышка? — ахнул племянник.

— Он хочет сказать: деньги на чёрный день, — пояснила тётя Белл.

— Ну да. Небольшая кубышка.

Он подсунул листок под кофейное блюдце Пенденниса, с облегчением выдохнул, отвернулся и принялся раскуривать сигару, изображая равнодушие, которого вовсе не чувствовал.

Листок оказался чеком на пять тысяч фунтов… Когда племянник стал протестовать, тётя Белл сказала:

— Ты много работал и заслужил отдых, Денни. Возьми год отпуска, дорогой. И не слушай Джорджа насчёт чёрного дня. Чёрных дней у тебя и так хватало. Иди, мой мальчик, и прокути эти деньги, как говорят у нас в Монтане.

— Повидай мир, — благодушно просиял дядя Джордж.

— Повидать мир? — простонал Пенденнис Йорк. — Господь с вами, дядя Джордж, я столько его повидал, что меня от него тошнит. Я хочу осесть где-нибудь, откуда видно не дальше, чем через улицу. И так и сделаю.

— Ага! Чую, тут дело нечисто! Ты, верно, подумываешь жениться, — воскликнул дядя. — Именно так говорят все молодые люди перед свадьбой.

— Не подавайте мне таких мыслей. Жениться куда опаснее, чем лезть в джунгли.

— Тебе давно пора жениться, Денни, — покачала головой тётя Белл. — Тебе тридцать два, скоро тридцать три.

— Вы забыли, тётя Белл, что я уже был женат и разведён, — лукаво усмехнулся он.

— Ах, батюшки! Это не считается. Это была просто милая ловкая уловка, и всё.

— Уловка джентльмена, — заявил дядя Джордж.

— Ты сделал это из любезности, — сказала тётя.

— И на твоём месте, Пенденнис, — поджал губы дядя, — я бы уничтожил тот снимок. Она была очень хорошенькая и, если я хоть что-нибудь понимаю, давно уже чья-нибудь жена. Не годится носить в бумажнике снимок чужой жены, мой мальчик. Это неприлично. Вдруг с тобой что-нибудь случится — ну, предположим, тебя убьют или ты тяжело…

— Ради бога, Джордж, не говори таких вещей! — оборвала его тётя Белл.

— Я только предполагаю. И вдруг у тебя найдут её портрет? Это может поставить в очень неловкое положение ни в чём не повинную почтенную молодую жену. Тем более что на снимке ты целуешь ей руку на вокзальном перроне.

— Да ещё совершенно незнакомой молодой женщине, — добавила тётя Белл, и в голосе её зазвенело любопытство.

— Эх! — вздохнул молодой человек. — Вот это был денёк! Приключений у меня хватало, дядя Джордж, но это было самое невероятное. О снимке, который сделал Хигби, она ничего не знала — подозреваю, и сейчас не знает. Я и сам не знал, пока Хигби не показал мне его через неделю.

— Ты правда-правда больше никогда её не видел? — спросила тётя, в душе которой всё ещё жила романтика.

— Больше того, я и до того дня её никогда не видел.

— Вот что получится с цивилизацией, если дать волю большевикам, — назидательно произнёс дядя Джордж. — Сплошная неразбериха.

— Подумать только: люди женятся без священника, без кольца, без — без всего, — сказала тётя Белл. — Это неприлично.

Пенденнис рассеянно стряхнул пепел с сигары. Его серые глаза затуманились.

— Она была на редкость хороша, моя жена. Пожалуй, красивее я не видел. И так напугана, что смогла только прошептать: «Беру этого человека в мужья», или что-то в этом роде. На неё больно было смотреть, тётя Белл. Интересно, что с ней сталось. Наверное, где-нибудь в нашем большом старом мире — счастлива, надеюсь, — и посмеивается над этим быстрым нырком в супружество. Именно нырок: бросилась в воду и тут же вынырнула обратно.

— А потом ещё и развестись таким манером! — продолжала старомодная тётя Белл, обмахивая платочком возмущённый нос. — Ужас!

— Прекрасный пример того, как цель оправдывает средства, — рассмеялся племянник.

— Ты так и не сказал нам, как её звали, Пенни, — заметил дядя.

— Я тогда не обратил на имя особого внимания — не было нужды. Она, наверное, тоже забыла моё. Это было пять лет назад, а долго ли помнить имя человека, за которым ты была замужем меньше семи часов? Хигби, кстати, признался, что, беря меня во временные мужья, она назвалась не своим именем. А мне, разумеется, пришлось назвать настоящее. Так что преимущество было на её стороне. Чтобы получить паспорт, ей нужно было стать женой настоящего американского гражданина с документами. На шесть или семь часов она стала американкой.

— Но ведь на самом деле она не была твоей женой, — запротестовала тётя. — То есть по закону.

— Ещё как была. По законам, что действовали в Венгрии при Беле Куне. Брак там заключался одним заявлением при свидетеле, развод — одним отречением. Это был ад, тётя Белл.

По лицу молодого человека пробежало что-то вроде судороги.

— Хуже, чем в России, как мне говорили. Слава богу, это длилось недолго. Белу и его так называемое правительство выгнали месяца через два-три.

— Под каким именем она за тебя вышла? — не отставал дядя Джордж, который, вцепившись во что-нибудь, становился назойлив, как оса.

Пенденнис вытянул длинные ноги, сцепил руки на затылке, откинулся в кресле и пустил к потолку облако дыма.

— Хорошо, что мы не пошли сегодня в театр, — протянул он. — Здесь тепло и уютно, самое место для последнего вечера в Лондоне. На улице мерзость. Говорят, самая холодная ночь в году. В Нью-Йорке это холодом бы не назвали, но здесь почему-то пробирает до костей и…

— Ты не простудился, Денни? — встревожилась тётя.

— Я же говорил тебе не садиться спиной к открытому окну в такси, — тут же сказал дядя, верный себе.

— Ну вот! Вы меня разочаровываете, тётя Белл. В детстве вы обо мне никогда не беспокоились. Это была работа дяди Джорджа — и, клянусь, он с неё так и не уволился. Нет уж! Мне просто хорошо и уютно, и я, пожалуй, слегка возомнил о себе. Никогда раньше я не чувствовал себя в «Савое» как дома, не решался закинуть ногу на ногу и смерить ответным взглядом всех этих властелинов. — Он кивнул на метрдотеля и лакеев в ливреях. — Обычно они смотрят на меня свысока, будто спрашивают с лакейским прононсом, что здесь делает этот нищий выскочка и зачем протирает их кресла и дышит их воздухом. Но с пятью тысячами фунтов в кармане… Да войди сюда сейчас сам король, я бы подошёл к нему эдак небрежно и сказал: «Послушай, Джордж, старина, куда торопишься? Подойди-ка, познакомься с императором и императрицей Монтаны!» С двадцатью шиллингами в кармане здесь и вполовину не так уютно, как с пятью тысячами фунтов.

— Гиней, — поправил дядя Джордж. — Там гинеи, мой мальчик, а не фунты.

— Батюшки! Я богаче, чем думал. Ещё по рюмке коньяку, дядя Джордж, — нет, давайте целый кубок, а то и чашу!

— Будь благоразумен, Денни, — пожурила тётя.

— Да, и скажи наконец, как звали девушку, — потребовал дядя.

Новоиспечённый богач покорно вздохнул.

— От вас не отвертишься. Так вот, она назвалась — у меня это записано на обороте снимка, с датой и всем прочим — Розой Шмиц.

— Боже милостивый! Немка?

— Нет, тётя. Это было не настоящее имя. Я, кажется, рассказывал вам ту будапештскую историю слишком бегло. Вскоре после войны я встретил в Афинах Хигби — он служил в нашем консульстве. Отличный малый лет тридцати пяти, мы хорошо сошлись. Я направлялся в Палестину, но недель на шесть-восемь застрял в Греции, пока великие державы распутывали пограничную неразбериху. Потом выбрался и провёл пару утомительных месяцев в поисках Эдемского сада. Если он и был, то не там, где его показывают туристам.

— Но это другая история. В Салониках я услышал, что в Венгрии революция и власть взял Бела Кун со своими красными, и через Вену пробрался в Будапешт. Как ни странно, американцев Бела пускал — надо полагать, рассчитывал обратить нас в свою веру. Первым, на кого я там наткнулся, был Хигби: он состоял при какой-то комиссии из Штатов. Однажды он рассказал мне невероятную на первый взгляд историю. Он и ещё двое-трое американцев открыли, можно сказать, брачную контору на широкую ногу и помогали изрядной части женского населения Венгрии выбраться из страны. Для брака, я уже говорил, там хватало заявления при свидетеле.

— Хигби спокойно сообщил мне, что за месяц был женат четырнадцать раз на четырнадцати разных девушках. Благодаря его любезности четырнадцать молодых венгерок из хороших семей стали американскими гражданками и получили защиту, которой были лишены их несчастные соотечественницы. Он вёл жену к нужным чиновникам и получал паспорт на имя миссис Этельберт Хигби, гражданки США, — а с ним можно было уехать. В том-то и штука. Как только паспорт выдан — к разводу. Отреклись друг от друга — и свободны! Видите, как

просто, тётя Белл? Не обидно ли, что у нас в Штатах нет таких законов? Вы бы рассчитали дядю Джорджа, как только он впервые вам надерзил. Не хмурьтесь, дядя Джордж. Вы тоже могли бы с ней так поступить.

— Хигби пришёл ко мне по очень срочному делу. Одной знакомой барышне непременно нужно выбраться из Венгрии — не буду ли я добрым малым и не женюсь ли на ней? Сам бы женился, но власти, похоже, начали подозревать: четырнадцать паспортов на миссис Хигби за месяц — это уж слишком! К счастью, большевикам было не до того: они расстреливали буржуев. Потому-то ему и сходило это с рук. «Всё что угодно, лишь бы утешить даму в беде», — небрежно ответил я, совсем как беспечный герой романа. Даже стряхнул пепел с сигареты и, кажется, слегка зевнул.

— Наутро я явился в условленное место минута в минуту — не из желания познакомиться с барышней, а потому, что у меня горой лежала работа. Жениться и развестись — на это я отводил часов пять-шесть, и больше всего уйдёт на паспорт: в министерство придётся идти с кем-нибудь из консульства, кто за меня поручится. А там, если чиновники не заняты созерцанием аристократов, которых ведут в тюрьму, паспорт выдадут мигом.

Он замолчал и уставился в потолок. Рука с только что раскуренной сигаретой застыла на полпути ко рту.

— И она пришла? — затаив дыхание, спросила тётя Белл. — То есть вовремя?

— Я пришёл на несколько минут раньше, — ответил он, возвращаясь на землю. — Встреча была в конторе адвоката, в переулке у бывшего квартала магнатов. Минут через десять вошла она с Хигби и пожилой парой — по виду слугами, но очень высокого разбора. В маленькой задней комнате меня представили будущей супруге — и я просто остолбенел. Совсем молоденькая, не больше восемнадцати. Роза Шмиц! Чушь! Это была сказочная принцесса, тётя Белл. Описывать её не стану — не умею. Я обучен описывать то, что существует на самом деле. А она просто не была настоящей, вот и всё.

— Скажу только, что она была довольно высокая, мне по плечо, а во мне больше шести футов. Тоненькая. И держалась так, как этому не учат — с этим рождаются. Одета бедновато, как тогда одевались все женщины в Австрии и Венгрии, но опрятно, и платье, как и старенькая шляпка, было когда-то модным. Потом мне пришло в голову, что шили его на женщину постарше: с чужого плеча. Большие тёмно-синие глаза, полные боли и тревоги. Но она не нервничала, держалась мужественно и спокойно. Лицо бледное и худое — не от болезни, а от голода и, должно быть, горя.

— Бедная девочка! — прошептала тётя Белл.

— Да уж, бедная девочка. Знаете, тётя Белл, у меня было престранное чувство. Вдруг захотелось подхватить её на руки и пешком отправиться во Францию или в Англию, где она будет в безопасности.

— Гм! — хмыкнул дядя Джордж.

— Не хмыкали бы вы, если бы её видели, — огрызнулся племянник.

— Или будь он так же молод, как ты, — довершила тётя Белл.

— Свадьба вышла недолгой. Мы пожали друг другу руки, сказали, что рады знакомству, и Хигби позвал адвоката. По-английски, забыл сказать, она говорила прекрасно, с еле заметным акцентом. Голос мягкий, приятный и чуть дрожал, хоть она и старалась с ним совладать. Хигби подсказывал нам обоим: опыта у него было хоть отбавляй. Мне нужно было сказать только: «Беру тебя, Роза, в жёны», а она сказала… постойте, как же она сказала? — Он нахмурился.

— «Я тоже» — было бы короче всего, — сказал дядя Джордж, пытаясь шутить, хотя ему было вовсе не до шуток.

— Она сказала: «Принимаю вас, Пенденнис Йорк, в мужья — согласно закону». Не упустила лазейку, понимаете? Я ждал, что адвокат объявит нас мужем и женой, но он просто пожал нам руки, дал каждому визитную карточку и вежливо попрощался. Хигби дал ему американ-

ский доллар, и бедняга чуть не упал замертво: он внезапно стал богачом. Мы сразу отправились за паспортом. Ехать было далеко, и я нанял такси. Неслыханное мотовство! Обошлось мне в четверть доллара. Хигби поехал с нами — для приличия, надо полагать. Я пригласил жену и шафера позавтракать. Она отказалась: не хочет, мол, злоупотреблять моей щедростью. Но Хигби, который обожает поесть за чужой счёт, её уговорил.

— Тогда она попросила развернуть такси — видели бы вы это такси! — и ехать обратно за пожилой парой, свидетелями на свадьбе. Прямо сказала, что им хороший обед нужнее, чем ей. Оба, к моему изумлению, плакали. Не знаю, что она им сказала, но они так и сияли, кланялись мне без конца и лопотали что-то по-венгерски. Она велела им ждать нас в час в ресторане напротив Оперы. А потом робко попросила поторопиться с паспортом. Помню, она подняла на меня свои большие доверчивые глаза — и я очень этим гордился — и сказала: «Только американскому джентльмену можно довериться так, как я доверяюсь вам, мистер Йорк. По закону я принадлежу вам. Не уверена, что нашлось бы много мужчин, которые позволили бы мне об этом забыть».

— Паспорт мы получили: миссис Пенденнис Йорк разрешалось покинуть страну и ехать куда угодно. Потом мы впятером позавтракали. Жена моя молчала и тревожилась — это было видно. Я никогда не забуду её лица. Ей теперь на пять лет больше — если она жива, — но с ней время, по-моему, могло обойтись только хорошо. Роза Шмиц! Честное слово, тётя Белл, называя это имя, она прикрыла рукой улыбку.

— Может, это была переодетая принцесса, — прошептала тётя в экстазе воображения.

— Инкогнито, дорогая, инкогнито, — поправил муж. Он только что обнаружил, что сигара у него опять погасла.

— После завтрака мы постояли в нерешительности, не зная, как приступить к разводу. Смешно, правда, тётя? Двое воспитанных, здравомыслящих, порядочных людей, свято верящих в таинство брака…

— Ближе к делу, Пенни, — перебил дядя. — Что было дальше?

— Хигби кое-что придумал. Он сказал, что будет вполне прилично и даже галантно сводить миссис Йорк в кинематограф, прежде чем мы разведёмся. Лучшего медового месяца в наших обстоятельствах не придумаешь. И разводиться до обеда вовсе не обязательно, если ни у кого из нас не назначено другого свидания. Тут-то я и узнал, что она уезжает семичасовым поездом в Бухарест, в Румынию. Сначала она сомневалась, но потом сказала, что это будет забавно. И я повёл новобрачную в кино. На середине картины она уснула — и, должен признаться, её бедная сонная головка склонилась ко мне на плечо.

— Ах, Боже мой! — вздохнула тётя.

— Ты, должно быть, ужасно смутился, — ухмыльнулся дядя.

— Никогда не смотрел более захватывающей картины, — простодушно ответил Денни. — Но опустим подробности. Когда сеанс кончился, мне пришлось трясти её — мне казалось, жестоко трясти, — чтобы разбудить. Она, видите ли, двое суток не сомкнула глаз. У выхода нас ждала пожилая пара. Моя жена ничуть не удивилась. Улыбнулась, поблагодарила меня за угощение — помилуйте, всё угощение свелось к часу сна! — и попрощалась. Я напомнил ей об обеде. Клянусь, в глазах у неё мелькнула озорная искорка, будто она сказала старикам: «А ну-ка, остановите меня, если сможете».

— Между ними вышел короткий спор, и верх явно взяла она. Старики сначала качали головами и недобро на меня поглядывали, а потом вдруг замолчали и сникли. Старик преклонил колено и приложил руку к сердцу, старушка — тоже. Мне показалось, что они немного испугались. А моя жена постояла перед ними, прямая и властная, а потом спокойно повернулась ко мне. «Не вижу причин, почему бы мне не пообедать с мужем», — сказала она, как мне показалось, с вызовом. И назначила мне встречу в том же ресторане в шесть, а пока, с моего позволения, ей нужно уложить вещи. Я предложил отвезти её домой на такси. Она отказалась

— мило и мягко, но твёрдо. И ушла со стариками. У меня хватило порядочности не пойти следом. Я презираю мужчин, которые шпионят за жёнами. А вы, тётя Белл?

Тётя Белл вздрогнула.

— Ну, право, Денни, я… я…

— А я вот хотел бы знать, — поспешно вмешался дядя Джордж, — держал ли ты её за руку в тёмном зале.

— Вы забываете, дядя Джордж, — поднял брови Денни, — что чуть ли не первым делом после церемонии она похвасталась, что вышла замуж за американского джентльмена.

— Кхм! Вот именно — э-э, вот именно, — забормотал дядя Джордж. — Шуток не понимаешь?

— Старики хуже всех, — уничтожающе заметила тётя Белл.

— Ну, позволь!.. — начал было дядя Джордж, но умолк: жена и племянник хохотали над его конфузом.

Пенденнис продолжал:

— Обедали мы вдвоём. Обед был лучший, какой только можно было достать тогда в Венгрии, — это я говорю без ложной скромности. Жена моя была очаровательна. Она сбросила почти всю сдержанность, стала весёлой и разговорчивой, щёки порозовели, глаза заблестели. Конечно, ей было страшно: что-то ждёт впереди? Она сомневалась, вывезет ли её паспорт из страны, и очень сомневалась в моём хвастливом заявлении, что дядя Сэм сотрёт мистера Куна с карты, если тот тронет американскую гражданку. Оказалось, она знает Париж, Лондон и все большие европейские столицы. Девочкой провела зиму в Петербурге и ещё одну — на Ривьере. Её ужасно интересовали мои приключения: Хигби рассказал ей, что я объехал весь свет, — и, подозреваю, порядком наврал. Но стоило мне заговорить о ней самой, как она закрывалась, словно раковина: простите, ни о себе, ни о родных, ни о прошлом она говорить не может.

— Я так и знала, что она была герцогиня или что-нибудь в этом роде, — решительно сказала тётя Белл.

Он покачал головой.

— Только мы с ней разговорились — дело дошло до кофе, — как она вдруг встала. «Мой поезд уходит в семь, мистер Йорк, — сказала она, покраснев до ушей, и это было очень мило. — По-моему… по-моему, нам пора… развестись». Я поднялся и галантно поклонился. «Позвольте заметить, миссис Йорк, что безопаснее всего мне развестись с вами, когда вы будете садиться в вагон. Тогда я смогу обвинить вас в том, что вы меня бросили. А кроме того, если кто-нибудь вздумает вас задержать, я всё ещё буду вашим мужем и даже смогу проехать с вами немного». Отложить развод до последней минуты она согласилась, а ехать с ней в поезде — и слушать не захотела. Я отвёз её на Восточный вокзал, на улицу Керепеши. Там нас ждали Хигби и старики. Они караулили багаж моей жены — кучу саквояжей, узлов и коробок с новенькими ярлыками: «Миссис Пенденнис Йорк, США».

— В семь часов солнце стояло ещё высоко. Подошёл всё тот же адвокатик. Простившись со стариками со слезами на глазах, она поднялась на подножку вагона и протянула мне руку — на уровне плеча, заметьте, и ладонью вниз. Я понял намёк. Взял её руку и поцеловал — в костяшки, помню. И она отчётливо сказала: «Я отрекаюсь от вас как от мужа, Пенденнис Йорк. Я больше не ваша жена». Я пролепетал что-то в том же роде. Хигби, кажется, щёлкнул свой снимок из-за груды сундуков. В последний раз я видел её, когда поезд тронулся: она выглянула из окна купе, послала мне воздушный поцелуй, помахала рукой — и на этом, тётя Белл, история кончается. Надеюсь, что, как пишут в сказках, выйдя замуж, она жила долго и счастливо.

Глава III

В которой Йорк собирается год бездельничать, Нью-Йорк предлагает ему назвать свою цену, а пять тысяч гиней не дают сомкнуть глаз

Наутро Йорк поехал в Саутгемптон, посадил родственников на пароход и сразу вернулся в Лондон. Жизнь его переменилась, словно по волшебству. Пять тысяч гиней значили всё — и для туманного настоящего, и тем более для будущего. Можно было на время бросить работу и устроить себе настоящий отпуск. Всю дорогу до Лондона он блаженно придумывал, как потратить эти пять тысяч на чистое безделье. Это были, как он выражался, «сливки». Своих средств и заработка ему хватало, чтобы жить в двух шагах от того, что называется «как сыр в масле». Но не на расточительство и долгое безделье. А теперь он мог исполнить дюжину желаний, в которых прежде себе отказывал, — сесть и посмотреть, как мимо идёт мир. Такого он не позволял себе с самого колледжа.

Он давно мечтал о целом лете гольфа, когда в голове нет ничего, кроме игры. Ещё хотелось провести зиму в Нью-Йорке, ничего не делая: ложиться, когда захочется, вставать, когда надоест лежать, завтракать в клубе, обедать в гостях, ходить в театр, снова ложиться и со временем снова вставать. Вот что он понимал под роскошным бездельем. А ещё была мечта уехать в деревню и написать роман!

(Он и не подозревал, что писать роман — это работа!)

Только за полчаса до Лондона ему пришло в голову, что тётя Белл, пожалуй, права. Наверное, и правда пора жениться — или хотя бы подумать об этом. И он стал думать.

Тридцать два года, сильный, здоровый, деятельный и временами одинокий. Никто от него не зависит, долгов нет, достаток умеренный, работать умеет. Хорошая семья, сносные привычки, порой одинокий. Способен содержать жену — если она не слишком расточительна. Своё давно отгулял, и одинокий он нередко. Да, в предложении тёти Белл что-то было.

Когда поезд подходил к вокзалу, он думал о Розе Шмиц. Но другой такой девушки не найти. Нечего и думать о Розе.

Дома его ждала записка от Шелберна, лондонского представителя нью-йоркского «Курьера»: немедленно свяжитесь, лично или телеграммой. «Очень важно» стояло отдельной строкой над подписью. Шелберна Йорк уважал. Но с чеком на пять тысяч гиней в кармане и свежим решением целый год быть независимо богатым он сел придумывать предлог, чтобы отказаться от всего, что пахнет работой. Работать он не собирался. Это решено. (На миг ему почудилось, что чек не оплатят или банк лопнул, но подозрение быстро рассеялось.) Он скажет, что у него тропическая лихорадка. Тропической лихорадкой можно провести кого угодно. Даже врачей. Он отложил бы звонок, пока Шелберн не уйдёт домой, но вспомнил, что вечером большой боксёрский матч, а газетчик обещал сводить его на первый же стоящий бой. Тогда он позвонил в редакцию.

— Вечер у вас свободен? — спросил Шелберн, едва их соединили.

Это звучало обнадёживающе. Так о работе не заговаривают.

— Совершенно свободен, старина. А что?

— Приходите обедать в «Колыбель и Могилу». В половине восьмого. Весь день пытаюсь до вас добраться. Надо кое-что обсудить. Очень важно. Большая идея.

— Я собирался пораньше лечь. По правде сказать, мне нездоровится. Всю неделю как-то не в своей тарелке…

— Спать я вам не помешаю. В полдень пришла срочная телеграмма из Нью-Йорка. Непременно надо увидеться, — с телеграфной краткостью сказал Шелберн.

— Я хотел пойти на бокс…

— Пойдём вместе. Ровно в половине восьмого в «Колыбели». Не подведите. Большое дело, Йорк. Как раз по вашей части. Пока.

«Большое дело», — ворчливо думал Пенденнис, одеваясь. Значит, работа. Ну, это он быстро уладит. Нет, ни за что не возьмусь. Очень лестно, но не могу, даже если позволят назвать свою цену. Не в деньгах счастье, знаете ли. И всё же его разбирало любопытство. Что это за дело «как раз по его части»? Раз понадобилась телеграмма из Нью-Йорка, значит, что-то большое и срочное. Одна горячность Шелберна чего стоила: никогда ещё Йорк не видел, чтобы редактор до того забылся, что выказал горячность.

Шелберн не стал тянуть. Едва они сели, он протянул Йорку телеграмму.

— Читайте сами, старина. Карты на стол. Видите, что пишет старик: «Пусть назовёт свою цену»! Раз шлёт такое длинное послание, значит, загорелся. Плевать на расходы. Весь старик в этом.

Йорк прочёл:

«Публика требует полной обстоятельной серии статей о Граустарке. Убеждён, что при умелой подаче интерес будет огромный. Нужен исчерпывающий рассказ о положении до войны, во время и после, с возможно большим числом личных наблюдений. Расходов не жалеть, не медлить. Привлечь Йорка. Сделать ему выгодное предложение. Если нужно, пусть назовёт свою цену. Внушить необходимость действовать быстро. Подробно о судьбе княжеской семьи и её нынешнем положении. Желательны рассказы о членах двора. Экономика, политика, любопытные подробности. Обязательно нужен человек с практическим складом ума, как у Йорка. С воображением и чутьём, но точный. Подчеркнуть важность держать замысел в тайне. Если Йорка нет в Лондоне, разыскать. Немедленно телеграфировать результат».

(Ни один из них не знал и не мог заподозрить, что телеграмму сочинили в одном нью-йоркском клубе. Сочиняли под умелым и деспотичным присмотром пяти-шести джентльменов, которые знали, чего хотят.)

Йорк вернул телеграмму. Оба выбрали закуски с подноса, который официант беспристрастно расхвалил, заметив, что они американцы. Когда он ускользнул, редактор сказал с неподдельной завистью:

— Везунчик!

Пенденнис Йорк слегка удивился.

— Ах, вот как я должен к этому относиться?

— А разве нет?

— Не уверен.

— Господи! Да это высшая похвала, и от самого старика…

— Похвала, Шелберн, конечно. Большая похвала. Я её очень ценю.

— Можете выехать сразу?

Йорк откинулся на спинку стула и рассмеялся.

— Ну и скоры же вы на выводы! Я ещё не сказал, что вообще поеду.

Шелберн вытаращил глаза.

— Вы… вы что, хотите отказаться, Йорк?

— Мне надо подумать.

— Ну, будь я проклят!

— Удивил, а? Думали, я так и подпрыгну?

— Ещё бы! Вы видели строчку «пусть назовёт свою цену»? Святые угодники! Чего вам ещё надо?

— Я дам ответ завтра днём, Шелберн.

— Завтра дн… Да бросьте, Йорк! Такой случай не каждый…

— Завтра днём, — твёрдо повторил Йорк.

— А чем плохо завтра утром?

Йорк медленно ухмыльнулся.

— Тем, что завтра я сплю до полудня.

— Да побойтесь Бога, завтра же не воскресенье!

— Вы бы на моём месте проспали неделю, Шелберн.

Повинуясь внезапному порыву, он не спеша достал из бумажника чек и подал Шелберну.

— С таким в кармане и вы бы хорошо спали, старина.

Шелберн заморгал.

— Хорошо спал? Боже мой, да я бы вообще не проснулся.

— Так вот, телеграфируйте своему старику, что знаменитый мистер Йорк рассматривает его предложение и заведёт будильник ровно на полдень по лондонскому времени. В час я вам позвоню. Признаюсь, дело меня привлекает. Выйдет хороший материал. К тому же мне всегда хотелось побывать в Граустарке. У вас суп стынет, старина.

На следующий день ровно в час Шелберн снял трубку.

— Мистер Шелберн? Говорит Йорк. Я решил ехать в Граустарк.

— Хорошо. Я так и думал.

— Зайду, как только побываю в банке.

— Идёт! Кстати, надеюсь, вы хорошо выспались этой ночью и утром? — не без яда.

— Глаз не сомкнул, — весело.

Через три дня Пенденнис Йорк был на пути в Граустарк. Могущественная газета, чьи щупальца дотягивались до краёв земли, дала ему все мыслимые удобства. Представителю большой американской газеты полагались привилегии и любезности, которые европейцу с таким поручением оказали бы скрепя сердце. Он был гражданином самой завидной и вместе с тем самой нелюбимой страны на свете, да ещё имел вдоволь американского золота или того, что его заменяло.

— Доллар, — говорил Шелберн, — вот единственный паспорт, какой нужен в той части Европы. Я подсчитал, Йорк. Если перевести стоимость кругосветного путешествия в марки, кроны или рубли, на один серебряный доллар можно двадцать раз объехать земной шар и ещё слетать на Луну.

Йорк путешествовал налегке. Опыт научил его: прыгнуть быстрее, дальше и точнее можно, только когда весу немного, а под весом он понимал багаж. Однажды он заявил, что объедет весь свет с одним саквояжем и в конце пути будет таким же безупречным, как в начале. Но на этот раз при нём были два саквояжа (один новенький), шляпная коробка, несессер (очень старый и позорно обшарпанный), складная пишущая машинка и неустрашимый фотоаппарат. Лишний саквояж и шляпная коробка были уступкой случаю: а вдруг пригласят обедать во дворец! С ним случались вещи и постраннее. Например, женитьба на Розе Шмиц. Для неё полагались сюртук и цилиндр. А у него был только потрёпанный костюм для гольфа с синими армейскими гетрами и кепка, утратившая молодость и всякую гордость ещё в студенческие годы. Правда, однажды он, наоборот, оказался неприлично разодет: на свадьбе в балканской горной деревушке, где в пиджаке был он один, а жених явился прямо от овец.

Кроме паспорта и удостоверений, он вёз несколько писем к видным особам в Эдельвейсе, столице Граустарка. Их раздобыл неутомимый Шелберн, который считал, что просить надо прямо, а если не выходит одним способом — пробовать другой.

Попасть в Граустарк было нелегко. Маленькое княжество окружали жадные и не слишком надёжные соседи, и правила для иностранцев там были строгие, даже суровые. Добиться их соблюдения было нетрудно: Граустарк лежал в огромной чаше среди неприступных гор. В плодородную долину вели лишь ревниво охраняемые перевалы, и ведала ими армия. Крупная вражеская сила, пожалуй, прорвалась бы, но в мирное время мимо таможни было почти не пройти. Впускали только тех, у кого были надлежащие бумаги и веская причина. Горе иска-

телю приключений, который пробовал пробраться тайком, или контрабандисту, понадеявшемуся на свою ловкость.

В Лондоне, даже в официальных и дипломатических кругах, о Граустарке знали мало. Знали, что в начале войны он встал на сторону Сербии и России. Что неприятель его не занимал: страна лежала в стороне от главных ударов. Что граустаркские войска вместе с армиями соседних Аксфайна и Давсбергена бились в составе русской армии и однажды удержали важное предмостное укрепление до подхода подкреплений. Командовал ими, судя по донесениям, сам князь Робин, правитель маленькой страны на краю Запада. Больше не знали ничего.

Когда рухнула Россия и пала Румыния, Граустарк и его соседи пропали из виду. Они и прежде были крохотными точками, а в пыли русского крушения их и вовсе перестали различать. Если о них и вспоминали, то смутно гадали: красные они теперь или белые? Не проглотила ли их революция?

Перед самым отъездом Йорка Форин-офис кое-что прояснил. Аксфайн, к северу от Граустарка, свергнул многовековую династию Боларозов и установил советскую власть. Монархисты по меньшей мере дважды пытались вернуть престол, и сейчас снова ходили слухи о выступлении против коммунистов. Похоже, Аксфайн поддался агитаторам, пришедшим с северо-востока. Граустарк и Давсберген, насколько было известно, устояли. Говорили даже, будто они вошли в одну из новых федераций, но сведениям этим было не меньше двух лет, и Йорк им не слишком доверял.

Полночи он просидел над картами и расписаниями. Суровая балканская зима сильно расстроила железные дороги. Из Вены в Клодсо ходили всего три поезда в неделю. Там пересаживались на медленный, ненадёжный поезд до узловой станции милях в шестидесяти от граустаркской границы, а оттуда ветка шла прямо до пограничного городка Сельнак.

Неудобств ожидалось много, задержек и того больше. И всё же Йорк выехал из Лондона бодрым, с безмятежной верой в удачу, которая редко его подводила. Он вообще был лёгкий человек, этот Пенденнис Йорк. Весёлый нрав не раз выручал его на трудных дорогах.

Стоял февраль. На всё дело он отвёл себе самое большее два месяца и к первому мая рассчитывал вернуться в Лондон. Пока поезд мчал его в Дувр сквозь промозглый день, приятно было думать о радостях, которые сулил нетронутый остаток пяти тысяч гиней в банке. Не раз он посмеивался, вспоминая лицо кассира, принимавшего чек. Бедняга был просто потрясён.

Но он просчитался. Первое мая не застало его в Лондоне. Больше того: первого мая он всерьёз сомневался, увидит ли Лондон вообще.

Заветный, изрядно захватанный снимок Розы Шмиц в день её свадьбы ехал вместе с ним. Только привычка портных пришивать внутренний карман справа, а не слева, помешала Розе покоиться у самого его сердца.

Некогда роскошный Восточный экспресс доставил его в Вену. Наутро он сел в разбитый нетопленый поезд до Клодсо. Унылый железнодорожный чиновник с потухшими глазами предупредил, что приятной дороги не будет. Неизвестно, дойдёт ли поезд вообще. А если и дойдёт, то едва ли за день: часто на это уходит два-три. Вагоны разбиты, путь плох, топлива не хватает, бригады нерадивы. И если господин послушается совета незнакомого доброжелателя, он останется в Вене и не поедет в этот проклятый Клодсо. Если господин не замёрзнет в дороге, то уж точно умрёт с голоду в Клодсо. Куда приятнее замёрзнуть или умереть с голоду в Вене. Здесь этим занимаются очень многие, так что господин не будет бросаться в глаза.

Чиновник ничего не выдумал. Не отъехав от Вены и двадцати миль, поезд встал на запасном пути и простоял три часа без всякой видимой причины. Потом машинист решил ехать дальше. Похвальное намерение едва не разбилось об упрямство паровоза: его полчаса уговаривали, дёргали и колотили, прежде чем он соизволил тронуться. Йорк, единственный в поезде, кто говорил по-английски, высказал о здешних порядках много такого, что очень понравилось попутчикам, хотя они не поняли ни слова. Дело было в том, как он это сказал.

Через четырнадцать часов пыхтения, кряхтения и скрипа поезд приполз к почти тёмному вокзалу в Клодсо. Был двенадцатый час ночи. На перроне — полдюжины дрожащих пассажиров и один-два железнодорожника. Путников обдало холодным сырым ветром из чёрной пустоты, которая, казалось, душила призрачную станцию.

Американец предусмотрительно запасся в Вене корзиной провизии и двумя большими термосами горячего кофе. И всё же к концу пути изрядно проголодался: с истинно американской щедростью он делился едой с тремя попутчиками по купе — мужчиной и двумя женщинами, которые, как видно, знавали лучшие и, без сомнения, более благородные дни.

Говорят, долг платежом красен. Сбывается это не всегда, но тут сбылось. Корзина была рассчитана на один здоровый аппетит, а не на четыре, и завтрак с ужином вышли скудные. Тем не менее гости Йорка с непонятной горячностью стали упрашивать его сесть к ним в ветхий автомобиль, который за ними приехал. Другого экипажа не было, где гостиница, Йорк понятия не имел, и он забрался к ним вместе с саквояжами. По мерзкой мостовой и тёмным улицам они выгромыхали на тускло освещённую площадь. На дальней её стороне светились окна лучшей гостиницы Клодсо. Всю дорогу попутчики держались молчаливо и странно отчуждённо. На каком языке они говорили, Йорк так и не узнал, но тут они вдруг заговорили на нём щедро, почти пугающе. Он понял, что они прощаются и, может быть, желают ему удачи. Шум поднялся такой, что перепуганный швейцар выбежал посмотреть, не началась ли новая революция.

Все трое обняли его. Обе женщины его поцеловали (он бы не возражал, будь их губы потеплее), а потом и мужчина, не совладав с порывом, расцеловал его в обе щеки. Шофёр тоже что-то горячо говорил. На миг Йорк испугался, что и этот бородатый малый полезет целоваться, но обошлось. Одну фразу они повторяли снова и снова: женщины нежно, мужчины настойчиво. Он решил, что это «Бог благослови». Позже, дрожа на жёсткой кровати в огромной ледяной комнате, он решил, что второе слово было не «благослови», а «помоги».

Утром выяснилось, что метрдотель — одноногий венгр — говорит по-английски. Три года он проработал в нью-йоркском «Уолдорф-Астории» и горько жалел, что поспешил на родину — только затем, чтобы ему оторвало ногу под Лембергом. Жена его, как он мимоходом обронил, умерла в голодную зиму, а пенсии он так и не дождался. От этого раскаявшегося человека Йорк узнал, что поезд на Сельнак обычно уходит в десять. Впрочем, господину стоит справиться на вокзале: с поездами нынче ничего не известно. Бывает, застрянут на линии, и бригады их бросают.

Любому ведь понятно, объяснял он, что поезд не может уйти из Клодсо, пока откуда-нибудь не придёт. А если паровоз в порядке, то бригада может и не работать. Говорят ещё, крестьяне, которым отчаянно не хватает топлива, выворачивают шпалы и топят ими печи. И мосты на севере, он слышал из надёжного источника, ненадёжны. И разбойники нередко угоняют целые поезда вместе с пассажирами в горы.

— Как, чёрт возьми, можно увезти в горы целый поезд? — не поверил мистер Йорк.

— Очень просто, господин, — пожал плечами метрдотель. — В войну правительство понастроило множество маленьких веток, чтобы быстро перебрасывать людей и снаряды. После войны их забыли разобрать. Вот и всё.

— Понимаю. Кстати, вы когда-нибудь бывали в Эдельвейсе?

— После войны — нет, — ответил метрдотель, и лицо его потемнело. — Был, когда мальчишкой жил в Будапеште. В те времена в Граустарке были рады всем из моей страны. Теперь не то. Без отличных рекомендаций нас не встречают с распростёртыми объятиями. Очень строго и очень несправедливо на границе, господин.

— Может быть, и не без причины, — сухо сказал Йорк, — если судить по вашим рассказам о разбойниках на этой стороне.

Глаза метрдотеля сузились.

— Придёт время, господин, когда… — Он резко оборвал себя и отошёл. Йорк заметил, что рука у него сжата в кулак.

Глава IV

В которой ради Йорка купе превращают в кухню, капитан Самбор ведёт род от лучника Чёрной королевы, а гостя встречают по повелению его высочества

Кое-что в этой загадочной, недоговорённой фразе прояснил в тот же день кондуктор поезда — седой старик, много лет прослуживший на Граустаркской государственной железной дороге. По-английски он говорил вполне сносно и был не прочь побеседовать с молодым американцем.

Границу Йорк пересёк в Сельнаке, после строгого, но учтивого досмотра. Таможенники всячески давали понять, что американец на земле Граустарка — радость не только личная, но и общенародная. Поезд из Клодсо, сам себе удивляясь, отправился точно по расписанию и прибыл на границу почти на час раньше. Этим подвигом он был обязан исключительно подкупу. Один из пассажиров — не будем показывать пальцем — с толком раздал горсть серебряных монет. На каждой отличным английским языком был выбит талисман: «На Бога уповаем».

— Не забывайте, сэр, — доверительно сказал кондуктор, — что Граустарк здесь считают страной изобилия. Немудрено, что те, внизу, нам завидуют и нас не любят. Наелись коммунизма досыта, а больше есть почти нечего. Мы едим зерно, а им остаётся мякина. Я их жалею: их обманули. Обещали рай, а дали чистилище. Красный призрак ходит среди них и кормит обещаниями, которых никогда не исполнит. А когда он стучится к нам, его прогоняют обратно. Вот они и смотрят на нас, как погорелец на уцелевший дом. Тот человек в Клодсо, что говорил с вами и так недобро глядел, был, наверное, когда-то честным. Он и сейчас, должно быть, считает себя честным. Только за спиной у него стоит красный призрак, и оглянуться он не смеет. Он голоден — вот и скалит зубы.

Йорк поднял брови, но спрашивать, откуда кондуктору известно о его утреннем разговоре, не стал.

— Выходит, они пытались свергнуть ваше правительство?

— Увы, не только пытались, но и пытаются. Вы, может быть, не знаете, что к северу от нас лежит Аксфайн. Была процветающая страна, теперь разорённая. Лучшие её люди без конца умоляют Граустарк и Давсберген помочь вернуть прежнюю власть и покончить с коммунизмом. А коммунисты засылают к нам агентов с так называемым евангелием свободы и равенства. Учат наших крестьян сбросить ярмо богатых и самим стать королями и королевами.

— И есть у них успехи?

Кондуктор невесело усмехнулся.

— На прошлой неделе возле городка под горой крестьяне схватили шестерых большевистских агитаторов из Аксфайна и повесили на телеграфных столбах. Вот какие у них успехи, сэр.

Йорка передёрнуло. «В сказочной стране тоже вешают», — подумал он и отвернулся к окну. Расспрашивать дальше о государственных делах или о княжеской семье он благоразумно не стал: Граустарк всегда начеку против шпионов, а этот человек — государственный служащий. Ничего бы не узнал, только вызвал бы недоверие.

Поезд с натугой полз ущельями вдоль бурной реки, полной льда. Дорога лепилась к подножию голых снежных вершин. Меньше чем в миле, за рекой, так же круто вздымались такие же исполинские стены — будто отражение тех, вдоль которых шёл поезд.

Вот это крепость! Какую несокрушимую стену воздвиг Господь вокруг таинственной, благодатной чаши изобилия, лежавшей так надёжно вдали от голодного мира!

К вечеру поезд начал выбираться из гор, и в просветах показались холмистые равнины и леса Граустарка. Потом фермы и поля, шпили дальних деревень, белые каменоломни на мартовском солнце, чёрные копры шахт на склонах. Просёлки тонкими белыми нитками тянулись

на север, где в сорока милях, среди предгорий, лежал Эдельвейс, столица. Стада, отары, воловьи упряжки. Женщины в ярких платьях, мужчины в выцветших зелёных куртках, в грязно-белых обмотках и островерхих кожаных шапках, дети в подпоясанных пёстрых блузах. Тускло-зелёные ели и сосны под бирюзовым небом. Снега на бурой земле не было, но река всё несла льдины.

Пассажиров было мало, и Йорк ехал в купе один. Скучно ему не было: выручало живое воображение. К тому же частенько заглядывал любезный кондуктор.

Поезд замедлял ход у маленькой станции на склоне горы, когда кондуктор вошёл и прикрыл за собой дверь.

— С сожалением сообщаю, сэр, что всех пассажиров на столицу высадят в Хаддоке. Это станция на нашем берегу, в восьми километрах от Эдельвейса. Паводок и лёд расшатали мост, и уже больше двух недель поезда по нему не ходят. До прошлой недели переходили по льду, теперь и это невозможно. Между рельсами положили настил, по нему переходят пешком. Это совершенно безопасно. На том берегу ждут дилижансы. А вас будет ждать автомобиль.

Смятение Йорка сменилось удивлением.

— Автомобиль? Меня?

— Да, мистер Пенденнис Йорк, автомобиль.

— Вы знаете моё имя?

— Разумеется. Разве оно не написано в вашем паспорте?

— Ну да, конечно. Но почему автомобиль? Почему такая честь?

— На это я ответить не могу. Знаю только, что вас встретят у моста и довезут до гостиницы «Регенгетц», где ждут подобающие покои.

— Но откуда, чёрт возьми, кто-то знал, что я еду этим поездом? Я никуда не телеграфировал.

— Нас известили, что вы прибыли в Клодсо. Велено было позаботиться, чтобы вы ни в чём не нуждались.

— Ого! Так вот откуда превосходный завтрак после Сельнака — за который, вы говорили, я расплачусь в конце пути. И та удивительная бутылка вина к нему.

Кондуктор улыбнулся.

— Да, сэр. И электрическая грелка, без которой дорога была бы весьма неприятной.

— Вот так штука! И ваше учтивое общество, надо полагать, тоже числится среди удобств?

— Если вам угодно так называть мои обязанности, — скромно ответил кондуктор. — Позволю себе добавить, мистер Йорк, что я единственный кондуктор на всей дороге, который говорит по-английски.

— Ну и ну! — вырвалось у Йорка чисто по-американски. — Вот это внимание, ничего не скажешь!

— На это можно посмотреть по-разному, сэр.

Йорк бросил на него острый взгляд.

— Понятно. Хотели знать, что я за птица, а?

— О нет, вы меня не так поняли. Я хотел сказать, что мои старания скрасить вам дорогу могли оказаться в тягость. Надеюсь, я не слишком вам докучал…

— Господь с вами, нет! Вы меня просто спасли.

— Прошу прощения?

— Я хочу сказать, мне очень нравились наши беседы. Кстати, дайте мне счёт за завтрак, я расплачусь сейчас. Мы, должно быть, почти приехали.

Кондуктор покачал головой.

— Боюсь, это невозможно, мистер Йорк. Распоряжения у меня ясные. В конце пути мне велено вам сообщить.

— Тогда сообщите, будьте добры, с кем мне рассчитываться в конце пути?

— Мои распоряжения не настолько широки, сэр, — ответил кондуктор тоном, не допускающим возражений.

— Жаловаться не стану, — сказал Йорк. — Я съел превосходнейший завтрак — лучше, чем видел в каком-нибудь поезде даже в Америке, — и кредит у меня такой, что… Батюшки! Куда лучше, чем у меня на родине. Хотел бы я посмотреть на нашего кондуктора вагона-ресторана, который выпустил бы меня из виду, пока я не расплачусь да ещё не дам официанту на чай.

— Вы, может быть, не заметили, что вагона-ресторана в нашем поезде нет, — спокойно сказал кондуктор.

Йорк вздрогнул.

— Что-то не припомню, чтобы я тёр лампу, как Аладдин, — и вот, пожалуйста, волшебный пир. Если у вас нет вагона-ресторана, откуда, чёрт побери, взялся мой завтрак?

— Сегодня утром его привезли из Эдельвейса вместе с особым поваром и официантом, который вам прислуживал. Третье купе отсюда на день превратили в кухню и поставили там походную плиту. Надеюсь, запах стряпни вас не беспокоил.

Американец был ошеломлён.

— Послушайте, что всё это значит? Кто за этим стоит?

— Я всего лишь слуга, мистер Йорк, — с достоинством ответил кондуктор.

— Понимаю, — помолчав, сказал Йорк. — То есть вы просто выполняете приказ?

— Да, сэр. Выполняю приказ.

— Спрашивать дальше бесполезно, полагаю?

— Позволю себе заметить, что это значило бы сотрясать воздух.

— На сфинкса вы не похожи. — И вдруг Йорк выпрямился. — Стойте, понял! Меня с кем-то перепутали. Приняли за важную особу, путешествующую инкогнито. Господи, вот так положение! Чудесный сюжет для фарса — будь я комиком. Послушайте, друг мой, за кого меня на самом деле принимают?

— Ошибки нет, — спокойно сказал кондуктор. — Вы мистер Пенденнис Йорк, простой американский гражданин. Ваше имя очень хорошо известно в Граустарке, и уже давно.

— Вот это да! Не хотите же вы сказать, что мою писанину читают здесь, в Граустарке!

— Этого я сказать не могу. Но имя очень известное. А теперь позвольте объяснить, как вам действовать в Хаддоке. Будьте готовы выйти, как только поезд остановится. Багажом сразу займутся. Следуйте за носильщиками через мост, не задерживаясь. Остальных пассажиров пропустят, только когда вы перейдёте и автомобиль тронется. Таков приказ, сэр. Надеюсь, вы поможете нам его исполнить.

— Ущипните меня, — только и смог сказать Йорк.

Это был не сон — он убедился в этом, как только поезд остановился в Хаддоке. Двое в форме подхватили его саквояжи и помчались вперёд за качающимся фонарём.

Ночь упала внезапно. Йорк шёл за носильщиками мимо передних вагонов, не отставая ни на шаг, охваченный азартом. Кто он такой, что целому поезду велено сидеть смирно, пока он переходит мост? Особая кухня, особый кондуктор, особые носильщики, личный автомобиль! Нет, он не тот незначительный человек, каким всегда считал Пенденниса Йорка. Он, несомненно, важная персона. А раз так, он никак не Пенденнис Йорк. Это всё объясняло. Он был не он.

Они миновали пыхтящий паровоз и вышли на середину пути. Чуть впереди носильщиков шли двое, у одного был фонарь. В свете паровозного прожектора Йорк разглядел, что это солдаты, и замедлил шаг. Сзади раздался голос по-английски:

— Не тревожьтесь. Мост для пешеходов совершенно безопасен.

Йорк обернулся. В каких-нибудь десяти футах за ним шагал высокий армейский офицер. Быстрый взгляд отметил утешительное отсутствие сабли и пистолета.

— Здравствуйте! — сказал американец, останавливаясь. Офицер, поравнявшись с ним, коротко и чётко отдал честь.

Форма напоминала щегольской довоенный австрийский мундир: красная фуражка с серебром, короткая зелёная шинель в галуне и орденах, красный пояс с золотой цепочкой для ножен, белые рейтузы, высокие кавалерийские сапоги. Обладатель наряда был смуглый, лихой молодой человек примерно его лет с на редкость располагающей улыбкой.

— Капитан Самбор, мистер Йорк, пограничная стража Граустарка, — представился он, протягивая руку.

— Самбор? — повторил Йорк, пожимая её. — Звучит как боевой клич.

— Так оно и было. Родович Франц Иосиф Самбор, к вашим услугам. Надеюсь, вы хорошо доехали.

— Очень.

Теперь они быстро шли к мосту.

— Я Самбор в четырнадцатом колене, — не без гордости сказал капитан.

Йорк понял, что смеяться не следует.

— Ну и ну! Далеко же вы тут уходите в прошлое, капитан. Этак Самборы дойдут до самого потопа.

— Первый Самбор, о котором есть запись, был лучником у Чёрной королевы Янци, правившей в начале пятнадцатого века. Чёрной её прозвали, как вы, может быть, знаете, потому что в день её коронации весь мир ненадолго почернел. Полное солнечное затмение, как мы теперь понимаем, но тогда — знамение Божьего гнева. На третий год царствования бедную даму обезглавили: народ обвинил её в моровом поветрии. До него, конечно, тоже были Самборы, — улыбнулся он, — но мы боимся их откапывать. Этот, похоже, был честный малый. А его отец — у него ведь, естественно, был отец — мог оказаться и плутом. Вот и мост. Он довольно длинный. Держитесь середины настила, и опасности никакой. А если от шума воды закружится голова, обопритесь на мою руку, не стесняйтесь…

— Спасибо, обойдусь. Очень любезно, капитан, но я привык ходить прямой и узкой дорожкой.

Капитан тихонько усмехнулся и отстал на шаг.

«Чертовски славный малый», — подумал Йорк, довольный этой усмешкой.

Наконец они дошли до конца длинного моста. Солдаты и носильщики сбежали с насыпи к шоссе. Когда Йорк с офицером их догнали, вещи уже лежали в машине, солдаты стояли навытяжку, а лакей в ливрее держал открытой дверцу большого лимузина. Впереди стояли машины поменьше и неуклюжие конные дилижансы — пережиток ушедшей черепашьей эпохи.

— Прошу, мистер Йорк, — сказал капитан, видя, что американец медлит.

Чуть дальше у обочины Йорк заметил группу мотоциклистов в форме.

— Это правда для меня? — спросил он, всё ещё не решаясь.

— Разумеется, — ответил офицер, и Йорк готов был поклясться, что в его голосе прозвучало: «А для кого же ещё?»

— Что ж, поверю вам на слово, капитан, — сказал растерянный американец, ставя ногу на подножку. — Только помните: если что, ошибка ваша, а не моя.

— Боюсь, я не вполне вас понимаю…

— Я хочу сказать — если нас с вами потом отдадут под трибунал.

— Вот как? — Холодная вопросительная интонация не оставляла сомнений: капитан такую легкомысленную шутку не одобрял.

Йорк сел в машину, за ним капитан Самбор. Лакей вскочил к шофёру, и машина тронулась. Она скользнула между дилижансами и помчалась сквозь ночь. Рядом, невидимые, ревели мотоциклисты, перекрывая гул лимузина.

Милю проехали в молчании.

— Признаюсь, капитан, я теряюсь в догадках, — почти умоляюще сказал Йорк.

Капитан Самбор, заметно напрягшийся после невольного намёка на его служебную добросовестность, немного оттаял.

— И всё же, мистер Йорк, не вижу, за что нас можно отдать под трибунал…

— Ах, мой дорогой, никогда не принимайте американца всерьёз при таком коротком знакомстве! Узнаете меня получше — а я надеюсь, что узнаете, — научитесь пропускать мимо ушей половину того, что я говорю.

— Понимаю. Значит, вы вовсе не намекали…

— Ничуть, ничуть. Я просто упражнялся в том, что называют американским юмором. Жаль, что не попал в цель. Видите ли, нам, американцам, положено ничего не принимать всерьёз, кроме собственного юмора. А когда и он нас подводит — тогда всё, мы пропали.

— Теперь я начинаю понимать ваш знаменитый американский юмор. Впрочем, нам, граустаркцам, пора бы с ним освоиться. Его высочество князь Робин наполовину американец по рождению. А по натуре, я бы сказал, больше чем наполовину. Его отец, покойный князь-консорт, был американцем. Нынешняя княгиня тоже наполовину американка: она дочь князя Дантана Давсбергенского и его американской супруги, княгини Беверли. Мы, можно сказать, породнились с Америкой.

— Будет ли оскорблением величества, капитан, — простите, высочества, — если я задам вам несколько вопросов о княжеской семье?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.